

АЛЕКСАНДР АРЦИБАШЕВ

“БЫЛ ЛИ Я ПРАВ — РАССУДИТ ВРЕМЯ”

(К 85-летию со дня рождения Юрия Васильевича Бондарева)

О самом сокровенном мы говорим у ворот, когда расстаемся до следующего моего приезда в Ватутинки. Смотрю на Бондарева и восхищаюсь: мудрец с юношескими горящими глазами!

— Не люблю сумрачные дни, — говорит он, поднимая взгляд к небу: — всегда жду солнца... Жаль, зимой лучи лишь слегка золотят верхушки елей и берез, однако и это радует...

Бондарев родился 15 марта 1924 года в Орске Оренбургской области. Всего на год младше моего отца. Казалось бы, какие могут быть меж нами откровения? Но вот уже много лет, возвращаясь с дачи по Калужскому шоссе, непременно заворачиваю к Юрию Васильевичу. Подолгу сидим в его рабочем кабинете на мансарде, где небольшой письменный стол, книжные полки, картины, и говорим, говорим, говорим... О жизни, литературе, искусстве. Бывает, спорим, расходимся во мнениях на тот или иной предмет, но едины в главном: человек не должен оскотиниваться, предаваться низменным страстям, лгать самому себе. Образец — Лев Николаевич Толстой, который до последних дней сомневался, искал истину, стремился к самосовершенствованию.

Увы, к старости круг общения сужается. Либо ты никому не нужен, либо у тебя нет желания встречаться с кем попало. Время отсеивает “шелуху”. Но одиночество тоже невыносимо. Бондареву повезло, что рядом с ним хранительница семейного очага супруга Валентина Никитична. Она сама вечно в хлопотах и Юрию Васильевичу не дает засиживаться. Две дочери, внук, правнучка. То овощные грядки затеют, то в саду яблоки собирают, то сучья жгут, то дорожки от снега расчищают... Я тоже провожу каждое лето на огороде. Любо-дорого, когда свои картошечка, капуста, лук, чеснок, морковочка, свекла, редька, редис, репа, брюква, кабачки, тыква, огурцы, помидоры, горох, бобы, петрушка, кинза, салат... А малина, земляника, жимолость, смородина, рябина, боярышник, шиповник, крыжовник, яблоки, груши, сливы, вишня? Все живое, свежее, ароматное. Вот оно, истинное-то счастье! В простом, угодном Господу Богу деле. По осени прихвачу гостинцев с огорода и мчусь в Ватутинки, чтобы поделиться с Бондаревыми радостью доброго урожая.

Близко познакомились в конце восьмидесятых годов прошлого века. Однажды, увидев меня в Центральном доме литераторов, Юрий Васильевич подошел и увлек в ресторан. В богемном Дубовом зале все столики были заняты. Присели у бара, завязался разговор. Не предполагал я, что его столь сильно волнуют деревенские проблемы. К тому времени у меня вышло несколько книг на эту тему, мои очерки о крестьянах каждый год печатались в

журналах “Наш современник” и “Москва”. Наверняка что-то читал, иначе с какой стати остановился и заговорил? На нас с любопытством поглядывали проходившие мимо писатели. С тех пор и дружим.

Недавно позвонил мне и спрашивает:

– Сколько мы потеряли коров за годы войны?

Под рукой был статистический справочник. Заглянул в него и говорю:

– На начало 1941 года поголовье коров в СССР составляло 28 миллионов. К 1945 году осталось 22 миллиона. Значит, немцы уничтожили 6 миллионов буренок.

– А насколько поредело дойное стадо за период “демократических реформ”?

Тут уж мне не нужно было обращаться к справочнику, поскольку держу эти цифры постоянно в голове. Они просто убийственные!

– По сравнению с 1991 годом поголовье коров в коллективных хозяйствах с 16 миллионов сократилось до 4 миллионов. То есть в четыре раза! У частных их даже больше – 5 миллионов.

Бондарев тяжело вздохнул:

– Выходит, сами себе – враги?

– Получается так... “Живого” молока ребятишкам и по стакану не наберется. В основном молочная продукция в магазинах из сухого порошка, завозимого по импорту. Такая же история с сырами, животным маслом, мясом, многими другими продуктами. Только за 2008 год импорт продовольствия вырос на треть. Закупаем его за рубежом аж на 30 миллиардов долларов! Есть эту продукцию нельзя, так как в ней одна химия: генно-модифицированные организмы, гормоны роста, антибиотики и ещё Бог знает что. Отсюда и болезни. Сама природа запуталась! Организм человека отвергает всю эту отраву!

– Неужели в Кремле не понимают, что без деревни России не выжить? – воскликнул Юрий Васильевич. – Ведь если Запад прекратит поставки, то в момент может разразиться голод. Все силы сейчас надо бросить на восстановление сельского хозяйства. Подумать страшно: 40 миллионов гектаров пашни в запустении, зарастают березками и кустарником! Кому их корчевать? Это потребует огромных вложений. Зачем вообще затеяли всю эту вакханалию с куплей-продажей земли? Забыл вкус настоящей деревенской картошки! В магазине клубни какие-то черные, дубоватые, долго не развариваются, а вот те, что вы привозите, совершенно иные: белые, рассыпчатые, запашистые. Едим с удовольствием. Слышал, и картошку теперь покупаем в Польше, Турции, Египте, Израиле?

– Так и есть! – отвечаю. – Посевные площади “второго хлеба” в коллективных хозяйствах сокращены в десять раз. Вся надежда на частника, сажающего картошку под лопату.

– Боже мой, до чего ж докатились! – вконец расстроился Бондарев. – А что ж в правительстве морочат голову с нацпроектом “Развитие АПК”?

– За два последних года на восстановление экономического потенциала села направлены немалые средства. Строятся новые животноводческие фермы, молококомбинаты, комбикормовые заводы. Дошло, наконец, – никто нас вечно кормить не будет. Да и куда ниже-то падать? Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Самара, Тверь, Пермь, Томск, Иркутск, Хабаровск, Владивосток, другие крупные города – на 70–80 процентов зависимы от импорта продовольствия. Такое немыслимо ни в США, ни в Китае, ни во Франции, ни в Германии, где сельское хозяйство на высоте.

– Действительно, столь невежественного отношения к земле, как в России, я не видел нигде, – заключил Юрий Васильевич. – Болит душа за нашу деревню, крестьян...

Всегда поражали выступления Бондарева на писательских съездах, пленумах, секретариатах. Глубокие мысли, философские обобщения, твердая гражданская позиция. Другие не очень-то раскрывались, говорили витиевато, занудно, с осторожностью. Особенно проявились вранье, лицемерие, ханжество после государственного переворота в августе 1991 года. Но Бондарев остался верен себе. В числе других патриотов он подписал знаменитое “Слово к народу”. Увы, к голосу разума не прислушались. Советский Союз рухнул, началось дикое разворовывание всего и вся. И что, много ныне счастливых? А ведь Юрий Васильевич еще на XIX партконференции предупредил генсека Горбачева: подняли в воздух самолет, а на какой аэродром

сажать его, не знаете... Он участвовал в многочисленных митингах протеста, шагал в первых рядах демонстрантов, был осенью 1993 года у восставшего Белого дома, наотрез отказался получать из рук президента России Бориса Ельцина орден, которым был награжден в связи с семидесятилетним юбилеем. Могу только догадываться, что творилось в его душе все эти годы.

Дорожу дружбой с этим великим писателем, мыслителем, воином. Биография его хорошо известна многим. Но всё же повторяюсь. За плечами Бондарева пылающий Сталинград, битва на Курской дуге, форсирование Днепра, бои в Карпатах, Польше, Чехословакии. Два ранения, три контузии. Невероятно, как уцелел! У солдат на фронте самой высшей наградой считалась медаль “За отвагу”. У Бондарева их две. Это как зарубки на совести: значит, не прятался за спины других, видел врага в лицо. Третью медаль “За отвагу” не получил из-за ранения. На руках осталась справка о награждении, но в военкомат не стал обращаться. А еще имеет орден Отечественной войны I степени, два ордена Ленина, медали “За оборону Сталинграда”, “За Победу над Германией”. Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий. Почетный гражданин Волгограда (пока не переименованного в Сталинград).

Перечитал недавно романы “Тишина”, “Горячий снег”, “Берег”, “Выбор”, “Искушение”, “Игра”, “Непротивление”, “Бермудский треугольник”, “Без милосердия”, повести “Юность командиров”, “Батальоны просят огня”, “Последние залпы”, “Родственники” и содрогнулся: как все пережитое могло вместить в себя его сердце? В этих книгах много личного, а потому они читаются с волнением и болью.

Когда грянула война, Бондарев только-только закончил девять классов. В армию – рановато. Вместе с другими ребятами записался добровольцем рыть окопы. Направили под Смоленск.

– Место называлось Заячья Горка, – вспоминает Юрий Васильевич. – Разбили нас по взводам, расселили в крестьянских избах. Чуть свет – подъем и за работу. Никто не отлынивал, понимая, что враг где-то совсем близко. Дневная норма на каждого – три кубометра земли. Обливались потом, руки и ноги к вечеру – что чугунные. Оружия ни у кого, конечно, не было. И вот однажды тревога: немцы прорвали оборону севернее Рославля. Надо отходить. Еще денек – и оказались бы в окружении. В ближайшем лесу стоял под парами последний эшелон. Рванули к нему что было мочи. Заскакивали в вагоны на ходу. В дороге попали под бомбы немецких самолетов, но всё-таки благополучно добрались до Москвы. С Киевского вокзала – скорей домой, но в квартире – ни души. Мать, бабушка, брат и сестренка эвакуировались. Отыскал их в далеком казахском городке Мартук. Там были угольные шахты. Чтобы поддержать семью, летом устроился в местный колхоз. В аккурат уборка хлебов. Мужичьих рук не хватало. Работал на лобогрейке, которую тянули две лошадки. Меня поставили отгрести скошенную пшеницу. Ох, и тяжела работа! Вздохнуть свободно было некогда. На арбах возили снопы на зерноток, где их скирдовали, а потом молотили. По осени выдали четыре мешка пшеницы. Радости-то было! С хлебом – не пропадем... В марте 1942 года призвали на службу. Попал во 2-е Бердичевское пехотное училище, передислоцированное в Актюбинск. Прошел ускоренный курс обучения. Присвоили звание сержанта – и под Сталинград. Эшелон наш разгружался где-то в тылу. До передовой шли маршем километров пятьдесят. Заняли позиции, окопались, а с рассветом – в бой! Вначале командовал минометным, затем артиллерийским отделением 76-миллиметровых пушек. То был суший ад...

Донские морозные степи сняты ему и поныне. Здесь судьба испытывала на разрыв: “Наступали на Котельниково; звон орудийных колес по ледяной дороге, воспаленные лица солдат, едва видимые из примерзших к щекам подшлемников, деревянные, негнущиеся пальцы в продутых стужей рукавицах; и снова скрип шагов, и звон колес, и беспредельное сверканье шершавого пространства... Хотелось пить – обдирая губы, ели крупчатый снег. Где же конец этой степи?” Это из романа “Тишина”.

В районе Котельниково танковая армада Манштейна рвалась к окруженной трехсоттысячной группировке генерала Паулюса. В это время свежесформированная в тылу армия по приказу Ставки была брошена на юг через беспредельные степи навстречу ударной группе “Гот”. В состав нашей армии входили тринадцать дивизий, в том числе и выпускники пехотного училища из Актюбинска.

Видимо, марш-бросок был настолько изнурителен, что крепко врезался в память сержанта Бондарева. В романе “Горячий снег” писатель опять вспомнит о нем: “Разрознённая усталостью, огромная колонна нестройно растягивалась, солдаты шагали всё медленнее, всё безразличнее, кое-кто уже держался за щиты орудий, за передки, за борта повозок с боеприпасами, что тянули и тянули, механически мотая головами, маленькие, лохматые монгольские лошади с мокрыми мордами, обросшими колючками инея. Дымились в артиллерийских упряжках влажно лоснящиеся на солнце бока коренников, на крутых их спинах оцепенело покачивались в седлах ездовые. Взвизгивали колеса орудий, глухо стучали вальки, где-то позади то и дело завывали моторы ЗИСов, буксующих на подъемах из балок. Раздробленный хруст снега под множеством ног, ритмичные удары копыт взмокших лошадей, натруженное стрекотание тракторов с тяжелыми гаубицами на прицепах – все сливалось в единообразный дремотный звук, и над дорогой, над орудиями, над машинами и людьми тяжело нависала из ледяной синевы белесая пелена с радужными иглами солнца, и вытянутая через степь колонна заведенно двигалась под ней, как в полусне...”

Бондарев прочувствовал кошмар битвы под Сталинградом, что называется, на собственной шкуре. Однажды долго лежал раненый на поле боя и смотрел в небо, дожидаясь помощи. Странно, что данный эпизод не вошел ни в одно из его произведений о войне. И сам он рассказывает об этом как-то буднично:

– Помню, крепкий мороз. Из наспех перевязанной ноги сочится кровь. Кругом степь – ни души. В азарте наступления все ушли вперед, а меня подтащили к стоявшему в поле разбитому трактору и оставили одного, сказав, что скоро вернутся. Вот уже и сумерки – никого нет. На мне телогрейка и шинель. Озяб. Достал фляжку со спиртом, подаренную наводчиком, сделал несколько глотков. Вроде согрелся. Не знал, что алкоголь только усиливает кровоток. Боли не чувствовал. Одна мысль в голове: “Не замерзнуть бы!” На небе выпали крупные оледеневшие звезды. Стал впадать в забытие, перед глазами поплыли круги, какие-то видения... Всю ночь пролежал на снегу. Обморозил лицо, руки. Впоследствии кожа сходила пластами. Спасло то, что был физически крепок. В юности довольно активно занимался гимнастикой, тяжелой атлетикой, бегом. Ну и просто хотелось жить...

– Юрий Васильевич, вся правда о войне сказана? – поинтересовался у Бондарева.

– Конечно, нет! – ответил он, не задумываясь. – Это невозможно. Через войну прошли миллионы. У каждого своя правда. Покойный Виктор Астафьев описал фронтовые годы только в черных красках. Так и ушел со злобой... Ну, да Бог ему судья! Война – не только жестокие бои и грязь. Люди любили, создавали семьи, мечтали о счастье. А как радовались Победе! И я видел много страшного. Скажем, расстрел своих же... Однажды сам схватился с командиром, ударившим солдата. До трибунала не дошло, а ведь мог бы угодить под суд. И что, обо всём этом писать? В человеческих ли силах воспроизвести полную картину войны? Считаю военные и послевоенные годы лучшими в своей жизни. Почему? Народ был другой, помыслы иные. Не озлобился даже тогда, когда по навету арестовали и осудили на десять лет моего отца...

В романе “Тишина” он опишет ту страшную ночь до мельчайших подробностей: “. . . Отец в нижнем белье, только пиджак накинут на плечи, – всё это делало его жалким, незащищенным, лицо болезненно-небритое, будто в одну минуту постаревшее на десять лет, – мелко подрагивая бровями, даже не взглянул на бумагу, взгляд перескочил через голову капитана, встретился с глазами Сергея и непонимающе погас. Он мелкими глотками два раза втянул воздух, согнулся и сразу ставшей незнакомой, старческой походкой, не говоря ни слова, вышел в другую комнату. Капитан двинулся за ним, оттуда, из второй комнаты, донесся его носовой голос:

– Быстро, гражданин Вохминцев.

И Сергей бросился в другую комнату, туда, к отцу, которого торопил, подхлестывал этот чужой голос. Отец не спеша одевался, но никогда так неловко, угловато не двигались его локти, его руки искали и сомневались, словно бы вспоминали те движения, которые нужны были, когда человек одевается. И то, что он стал повязывать галстук, как всегда, задрал подбородок, опустив веки, – и этот задранный подбородок, “опущенные веки”

бросились в глаза Сергея своей жалкой, унижающей ненужностью. И его снежно-седые виски, крепко сжатые губы, небритые щеки показались Сергею такими родными.

– Отец...

– Что, сын? – спросил отец, и непонятно затеплились его глаза. И повторил: – Что, сын?"

Случилось это осенью 1949 года. Как известно, беда не приходит одна. Незадолго до этого трагически погиб младший брат Бондарева – двенадцатилетний Женя. Играли в футбол, и мяч выкатился на мостовую. Мальчуган хотел подобрать, но угодил под колеса. Гибель брата особенно пагубно отразилась на здоровье матери. Она умерла в 78 лет. Отец прожил 92 года. Вернулся из лагеря спустя пять лет – уже после смерти Сталина.

Судя по романам, писатель не раз переосмысливал свои отношения с отцом. Жалел, что был резок. Читаю в романе "Тишина": "...Он часто ловил себя на фальшиво-фамильярной интонации в разговоре с отцом, которая не позволяла назвать его ни "отцом", ни "папой", создавала некоторую натянутость в их взаимоотношениях, заметную обоим.

Отец смущенно бросил галошу к двери, сел на стул, на спинке которого висел пиджак Сергея, протер, повертел в пальцах очки. Густая серебристость светилась в его волосах; и было почему-то нечто жалкое в том, как он протирает и вертел очки, в том, что его вылинявшая, довоенная пижама была не застегнута, открывала неширокую грудь, поросшую седым волосом".

– Бывает, ловлю себя на мысли, что повторяю фразы отца, – признался Юрий Васильевич, когда мы гуляли с ним по саду. – Не могу объяснить этого. Перед смертью отец выглядел как пророк: белое лицо, седые пряди, пронзительный взгляд печальных глаз... Мать не меньше вспоминаю. Все нити сходились к ней. Именно она подтолкнула меня к литературе, привила любовь к книгам. В детстве читала нам сказки, рассказы Бианки, Мамина-Сибиряка, других писателей. Отсюда и тяга к прекрасному...

Они жили в Замоскворечье – купеческом уголке: Ордынка, Большая и Малая Татарская, Зацепа, Балчуг, Лаврушинский переулок, Пятницкая, Новокузнецкая, Павелецкий вокзал... Неслучайно все эти названия встречаются во многих произведениях Бондарева.

"...Двор без заборов (сожгли в войну) и весь тихий переулок Замоскворечья был завален огромными сугробами – всю ночь густо метелило, а утром прочно ударил скрипучий декабрьский мороз. Он ударил вместе с тишиной, инеем и солнцем, все будто сковал в тугий железный обруч. Ожигающий воздух застекленел, всё жестко, до боли в глазах сверкало чистой белизной. Снег скрипел, визжал под ногами; звук свежести и крепости холода был особенно приятен после теплой комнаты, гудевшей печи" ("Тишина").

Или вот еще: "Здание школы находилось в липовом парке, очень поредевшем за войну, среди травы вблизи тротуара торчали пни спиленных деревьев. За этими пнями, меж оставшихся обгорелых лип, стояли закопченным углом сохранившиеся стены пятьсот двадцатой школы, когда-то богатого купеческого особняка с огромными, отделанными мрамором каминами в светлых комнатах, с венецианскими зеркалами, с амурами, летящими по лепным потолкам, на которых летом таинственно и игриво зыбились после дождя солнечные блики, а зимой холодно розовел ранний закат, пробиваясь сквозь заснеженные навесы липовых аллей..." ("Непротивление").

Не предполагал, что Юрий Васильевич в детстве был страстным голубятником. Он жил в Новокузнецком переулке, в доме № 4 (теперь уже снесен). На задах стояли сараи с голубятнями. В его стае насчитывалось около трех десятков птиц. В довоенной Москве особенно соперничали меж собой голубятники Замоскворечья и Сокольников. И те и другие старались переманить чужих воркунов. Ну разве не сведущий в этом мог бы вывести столь блистательные строки: "...Какое счастливое, щекощущее радостью ощущение возникало порой при виде гуляния по приполку нагульника голубей, то ли аккуратно чистящих перья, то ли, в любовной зобе надувая зоб, танцующих перед голубками, то ли с оглушительным треском крыльев белой вьюгой поднятых над двором в летнюю синеву. Стая, купаясь в теплом воздухе, ходила кругами, круто подымалась к зениту, затем плавно снижалась, затем из ее середины отрывался и акробатическими кувырками начинал падать, сверкая белизной, показывая свое смелое озорство, первый турман, потом

второй, оба они почти одновременно заканчивали падение к земле, лодочками расправляли крылья, пронизанные солнцем, делали круг над двором и снова взмывали вверх, присоединялись к стае, чтобы продолжить озорную игру в синем солнечном пространстве”.

Когда заходит разговор о голубях, глаза у Юрия Васильевича загораются:

– Любил погонять “чиграшей”, “рябых”, “пегих”. Завидовал тем, кто имел воркунов редких пород: “красных монахов”, “дутышей”, “курносых мраморных”, “николаевских”, “палевых”... До сих пор помню свою голубятню. Какое это было счастливое время! Вообще люблю наблюдать за птицами. Повесил на деревьях кормушки. Зимой прилетают снегири, синицы, воробьи, весной и летом – скворцы, ласточки, трясогузки. Бывает, заглядывают в окна. Сразу догадываюсь: закончился корм... А еще прижились две вороны. Осенью стараюсь не пропустить косяки отлетающих на юг гусей. До войны часто ездил в Уфу, где жил дядя по материнской линии. Он был заядлым охотником и рыбаком! Вместе бродили по окрестным лесам, рыбачили на Белой. Ставили переметы, ловили удочками пескарей, на жерлицы – сомов. Великолепная природа, яркие краски! Разве это забудешь? Между прочим, и на войне замечал красоту. Скажем, идем лесом. Тишина. Вдруг – впереди избушка, таинственный отблеск луны на стекле. Душа аж трепещет! Или увидишь по осени незнакомую деревеньку, изгиб реки с золотыми купинами лозняка. Защиमित сердце. Другие не обращали внимания на окружающую природу, а я был очень впечатлителен. У войны тоже есть свои охраняемые зоны, оберегающие психику. Может, потому и выжил?

– Видимо, Господь хранил для больших дел, – сорвалось у меня.

Бондарев на какое-то время задумался, потом продолжил:

– Знаете, на фронте бывали моменты, когда действительно просекало в сознании: “Спаси и сохрани!” Всё меркло вокруг от огня и грохота! Вера – она ведь глубоко в душе. Как-то священник Дмитрий Дудко спросил меня: “Есть ли у вас духовник?” Ответил ему: “В церковь не хожу”. Он ничего не сказал, но однажды пригласил к себе в храм, и мы долго беседовали. С годами пришло осознание, что все в этом мире не так-то просто. Недавно ездили с женой в церковь в селе Былово. Поставили свечки за упокой усопших родственников... .

Конечно, Бондарева очень волнует состояние нынешней литературы. Ему присылают книги, просят отзывы. Но, по его мнению, ярких романов, повестей, рассказов встречается мало. Всё как-то пресно.

– Перечитываю классику и открываю для себя много нового, – говорит он. – На днях вернулся к письмам Антона Павловича Чехова: какой был великий талант! Или дневники Ивана Сергеевича Тургенева: необычайное чтение! Потрясающие откровения у Льва Николаевича Толстого. Люблю Аксакова, Бунина, Шишкова, Чапыгина... Колоссальное впечатление произвел на меня роман “Тихий Дон” Михаила Александровича Шолохова. Хотелось бы перечитать Плутарха, Сенеку, Сервантеса, Джека Лондона, Свифта, Дефо... .

Несмотря на почтенный возраст, он продолжает писать. К 85-летнему юбилею вышла новая книга “Мгновений”.

– Последняя страница не дописана, – смотрит на меня с улыбкой Юрий Васильевич. – Она еще чиста. Хочется еще что-то сказать о нашем непростом времени, где слишком много лжи, боли, неразрешенных конфликтов. Я реалист и следую правде жизни. Каждый мой роман – это познание какой-то тайны. Был ли я прав – рассудит время... .

– Раньше писатели жаловались: мол, задавила цензура, “нетленные” рукописи пылятся в столах... В то же время вышли весьма жесткие романы: “Касьян остудный” Ивана Акулова, “Драчуны” Михаила Алексева, “Судьба” Петра Проскурина... . Ныне, казалось бы, полная свобода: вытаскивай “шедевры”, пиши что хочешь. А где сильные книги?

– Графоманов тьма! – согласился Бондарев. – Кроме себя, никого не читают. Карманы набиты деньгами – только плати, и любую муру напечатывают. К сожалению, государство совершенно безразлично к духовному состоянию общества. Что касается моих отношений с цензурой, то они были сложными. Радовался, когда удавалось договориться, прийти к обоюдному согласию. Но вот что настораживало: после выхода книг – в частности, повести “Батальоны просят огня” – вдруг обрушивалась яростная критика! Дескать, слишком обострено, так на войне не бывало... . Особенно разносили вещи, в которых шла

речь о потерях. Потом прошло время, и те же критики стали писать об этих книгах совершенно противоположное. Тогда я понял простую истину: если один и тот же роман подвергается и хвале, и хуле, значит, надо верить только самому себе.

– В романе “Горячий снег” – боль и страдание простого русского солдата, борьба за человека – как символ самой жизни на земле. Благодаря тому, что роман был экранизирован и по нему поставили во многих театрах спектакли, я считаю, три поколения россиян сохранили в себе чувство патриотизма. . .

– Спасибо за добрые слова, – смутился Юрий Васильевич. – По большому счету, мои книги – это дань памяти тем солдатам, которые погибли за Отечество и свободу. Жаль, что эти высокие понятия истрепали донельзя. Поражает, с какой легкостью ряд деятелей культуры отказались от прежних идеалов, взявшись проповедовать низменное, отвратное, пагубное. . . Видимо, на то были веские причины: и личного характера, и внешнего. Не хочется даже говорить о мерзостях! Это – как болезнь. . .

– Об этих “вывихах” вы довольно обстоятельно написали в романах “Тишина”, “Берег”, “Непротивление”, где сплетены воедино злободневные и вечные вопросы нашего бытия. Но идеал ведь так и не найден?

По лицу Бондарева пробежала легкая усмешка:

– Если бы идеал нашли, то тогда оказались бы бессмысленны и театр, и кино, и поэзия, и проза. . . Вообще – искусство. Вся жизнь – стремление к некой высшей цели. Можно сказать – идеалу. Хотя некоторые наши “революционеры” никогда не признавали и не признают слов “идея”, “идеология”, “идеал”, не понимая, что сама жизнь – это и есть идея. Поэтому хвастать тем, что я, дескать, не служу никакой идее – означает, что не служу никому, даже себе. Сам человек – это есть великая идея на этой земле.

– Может, вы излишне требовательны? – пытаюсь возразить собеседнику. – В тех же романах “Выбор”, “Игра”, “Искушение” показываете своих героев в обстоятельствах, будто они перед высшим судом совести. Почему же в обыденной-то жизни забываем о Страшном суде?

– Простите, может быть, ответу резко. – Бондарев весь напрягся, поднялся с кресла и заходил взволнованно взад и вперед по комнате: – Литература сама по себе изменить материальный мир не в состоянии! Она лишь способна повлиять на взгляды людей, отношение их к жизни. После того, что было написано и Шекспиром, и Сервантесом, и Толстым, и Достоевским, и Чеховым, казалось бы, все пороки и страхи должны были исчезнуть, а они существуют. И всё же отношение к миру части читающей публики, конечно, изменилось. Особенно в России, поскольку у нас слово исторически играло и играет огромную роль. Это – фундамент всего, если хотите, и Веры.

– В одной из своих миниатюр вы пишете, что за один миг можно потерять себя как личность. . . Слишком много искушений ныне, и русскому человеку ничего не остается иного, как полагаться только на себя, собственные силы.

– Так было всегда. Да и в Библии сказано: “Спасись сам, и спасутся тысячи вокруг тебя. . .”

Не мог не спросить Бондарева о его взаимоотношениях с другими писателями. Конечно, читал в “Мгновениях” о встречах с Александром Твардовским, который упрекал его за “постельные сцены” в “Тихине” (мол, “не дело русской литературы решать половую проблему”), но восхищался военными романами. Не сошлись они во мнениях и на творчество Ивана Бунина (любимого писателя Юрия Васильевича), после чего последовал “жестокый разговор, происшедший меж нами”. . . Бывал он не раз у Леонида Максимовича Леонова. Как-то тот спросил Бондарева: “С кем из писателей дружите?” “Я ответил, что после сорока лет, к сожалению, а может быть, к счастью, становится меньше друзей, что из старшего поколения писателей встречался с очень требовательным Гладковым, а чаще с добрейшим Паустовским, который привил мне любовь к слову. . .”

Но осталось в памяти от встреч с Леоновым и нечто простое, земное:

– Однажды осенью были в Ялте с женой, – вспоминает Бондарев. – Леонид Максимович пригласил на обед. Находился в хорошем расположении духа, шутил. Потом гуляли по парку. Вдруг сделал шаг в сторону с аллеи и стал палочкой шевелить опавшую листву: “Глядите, это самое лучшее удобрение. . .”. На даче у него был прямо-таки дендрарий. Теперь каждый раз, когда жгу у себя на участке листья, вспоминаю тот давний разговор: Леонов на-

верняка обвинил бы в варварстве. Он был прекрасный собеседник, прожил целую эпоху...

Под Сталинградом воевал и писатель Михаил Николаевич Алексеев. Вроде бы должен был быть близок Бондареву, но что-то их разделяло... Незадолго до кончины Михаил Николаевич говорил мне: "Всегда ценил талант Бондарева, не раз писал о нем, а он обо мне ни строчки..." Осталась обида. Передал об этом разговоре Юрию Васильевичу. Он вздохнул и с грустью в голосе сказал:

— С Алексеевым мы в общем-то были в хороших отношениях, но, действительно, разные интересы. Сближает родство душ. Увы, этого не было. Я учел и свой, и его возраст и испытываю к нему самые добрые чувства. Он не был приспособленцем, а это говорит о многом...

Непостижимо: о существовании знаменитого русского писателя-фронтовика власти вроде как забыли! Живет себе тихонько в уединении и пускай, мол, молча доживает век. Уж очень Бондарев неудобен: говорит жгучую правду, неподкупен. Липовые "звезды" меркнут перед ним. Его книги переведены на 85 языков. На Западе прекрасно понимают, какой это мощный писатель. Но в шорт-листы Нобелевского комитета, отбирающего очередных лауреатов на премию в области литературы, фамилию Бондарева никогда не вносили. И вряд ли внесут.

Но не это печалит... Россия перестала быть читающей страной. Социологические опросы показывают: 95 процентов старшеклассников не способны воспринимать художественные тексты. Так низко пала наша культура! Дух нации подорван. Но...

В войну Сталин вернул народу великих полководцев Суворова, Кутузова, Ушакова, Нахимова, Багратиона, учредив ордена их имени. Придет время, вернуться к читателям и великие книги Юрия Бондарева, очищающие души, несущие добро и свет.

...И вновь стоим у ворот. В сухощавой, слегка сутулой фигуре Бондарева — что-то щемящее, грустное. Годы... Завожу разговор о прекрасных женских образах в его произведениях, и лицо Юрия Васильевича светлеет, в зрачках вспыхивают веселые искорки:

— Мужчина, потерявший интерес к женщине, — теряет самого себя, — говорит он твердо. — Меняется и характер и привычки — пропадает интерес ко всему. Героини моих романов очень разные. Господь создал женщину для любви, и это великая тайна, постичь которую способен далеко не каждый. Я чувствовал себя хорошо до семидесяти пяти лет. Даже до семидесяти шести! Но потом сдал... А в душе столько нерастроченных чувств! Вот опять весна. Всегда ждал конца февраля, когда небо станет синим, а воздух особенно будоражащим. К февралю завершал все свои романы и как-то преображался душой...

Он пожал мне руку, и мы расстались. Возвращаясь в Москву, всю дорогу думал о нашем разговоре. Какая разница между семьюдесятью пятью и семьюдесятью шестью годами? Почему Бондарев акцентировал на этом внимание? Потом дошло: любовь мужчины — это ведь тоже величайшая тайна...